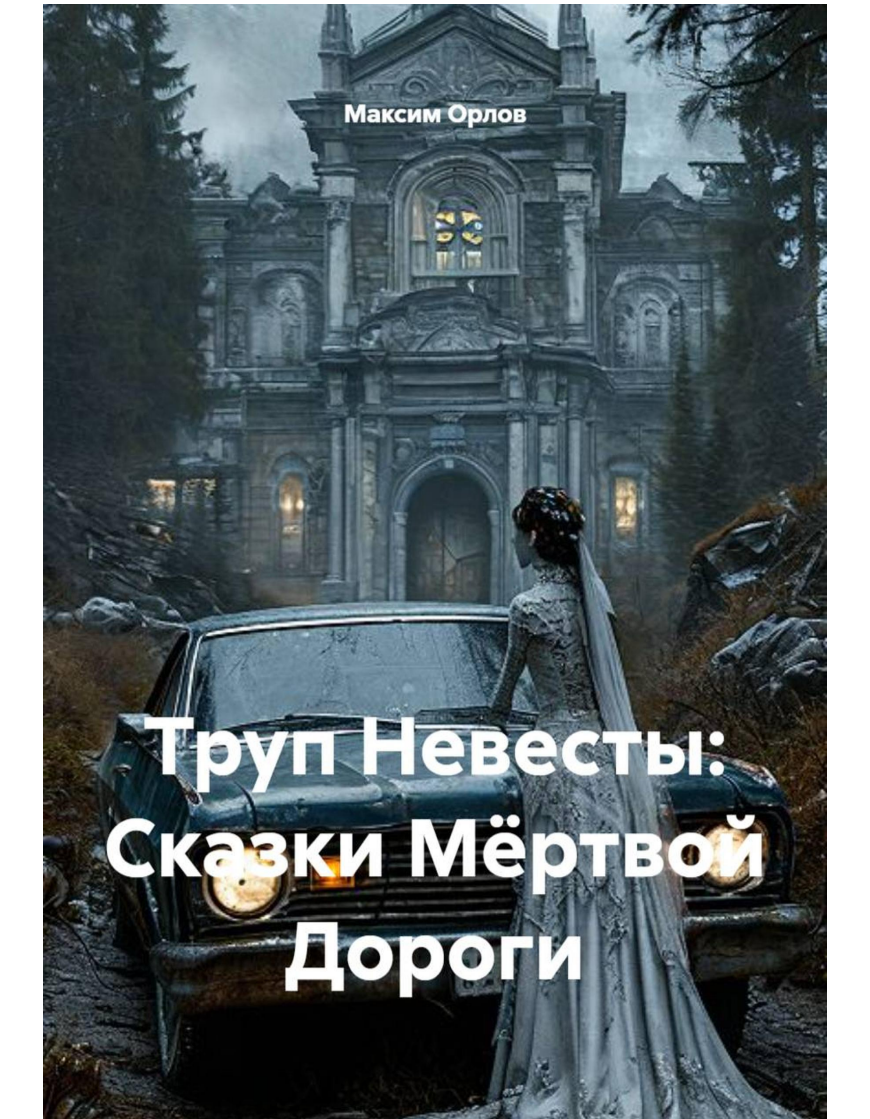

A woman in a white wedding dress with a long veil stands next to a dark, vintage car. The car's headlights are on, and its windshield is covered in rain. In the background is a large, ornate, and somewhat dilapidated church with multiple arched windows and doorways. Some windows are lit from within. The scene is set in a dark, wooded area with tall evergreen trees. The overall atmosphere is dark, moody, and mysterious, suggesting a horror or thriller theme.

Максим Орлов

Труп Невесты: Сказки Мёртвой Дороги

Максим Орлов

Труп Невесты: Сказки Мёртвой Дороги

<https://litres.ru/74105999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он очнулся на обочине Мёртвой Дороги без памяти, с именем, стёртым системой, и медальоном, в котором вместо глаза — пустота. Единственная подсказка — труп невесты в рваном катафалке, который открывает глаза и приказывает: «Беги». Его зовут Ночным Странником, но он не знает, кто он. Она — Лилия, призрак, прикованный к своему телу свадебной клятвой. У них есть семь дней, чтобы добраться до Храма Начала, где их ждёт Призрачный Князь — тот, кто хочет не любви, а смерти.

В мире, где система регистрирует только проклятия и травмы, где каждый новый уровень приближает к превращению в чудовище, а за каждое «вспомненное» умение приходится платить воспоминаниями, им предстоит пройти через Город Забытого Времени, танцевать на балу мертвецов и спуститься в Озеро Слёз. Лилия постепенно оживает, обретая голос, тепло и любовь, но чем ближе Храм, тем яснее выбор: либо она станет новой Княгиней, либо он потеряет себя навсегда.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1 – Свадебные гости	13
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Максим Орлов

Труп Невесты: Сказки Мёртвой Дороги

ПРОЛОГ

*Дорога никогда не забывает тех, кто ступил на
неё с*

*пустыми руками. Она ждёт, чтобы вложить в
ладонь либо монету, либо кость.*

Он пришёл в себя от запаха. Не от боли, не от звука — именно от запаха. Смесь горелого машинного масла, старой крови и ещё чего-то сладковатого, похожего на дешёвые духи, которыми в былые времена заливали покойников, чтобы родственники не слишком морщились на похоронах.

Сознание возвращалось порциями, как сигнал на дырявом экране. Сначала — тактильные ощущения: под спиной что-то твёрдое, ребристое, с металлическим холодом, проникающим сквозь ткань. Потом — слух: ветер, но не обычный, а какой-то свистящий, сухой, будто воздух фильтровали через наждак. И только затем — зрение. Веки дрогнули, и в глазницы ворвался мутный сумеречный свет, лишённый источника.

Он лежал на спине и смотрел в днище перевернутого автомобиля.

Точнее — катафалка. Гнутый кузов, когда-то чёрный, теперь облупившийся до красной ржавчины, торчал колёсами вверх, похожий на дохлого жука. Над ним нависали куски арматуры, изогнутые в причудливых судорогах, словно металл попытался сбежать от аварии, но не успел.

Он сел. Ноги слушались, руки тоже. Кое-как, с хрустом, как старый механизм после смазки. Сел — и огляделся.

Вокруг простиралась дорога. Широкая, многополосная трасса, но покрытие её превратилось в мозаику из растрескавшегося асфальта, из которого лезли сухие, серые сорняки, тянущиеся к небу, словно пальцы утопленников. По обочинам громоздились остовы машин, спрессованные временем в чудовищные арт-объекты постапокалипсиса. Кое-где из-под колёсных дисков выглядывали кости — человеческие или звериные, он не стал уточнять: ему было плевать, чьи именно, лишь бы они не лезли в карманы.

Карманы.

Он машинально похлопал по бокам куртки. Левая пуста — только дыра, пропущенная ржавым гвоздём. Правая — нащупала что-то твёрдое, холодное, круглое. Он вытащил находку на свет.

Медальон. Старый, потёртый металл, на ощупь напоминающий свинец, но легче. На цепочке, которая, судя по всему, была когда-то серебряной, а теперь потемнела до черно-

ты. В центре — выпуклый, мутный глаз. Настоящий, высушенный, с радужкой странного желтоватого оттенка, который бывает у сов или у мёртвых собак. Глаз смотрел на него с немым укором, словно говоря: «Ну, ты и попал, приятель».

Он хотел швырнуть медальон в кусты, но тот вдруг нагрелся. И не просто нагрелся — он пульсировал, как второе сердце, и от него побежали по руке тонкие нити электрического разряда, не больно, а щекотно, но настырно.

— Отвали, — сказал он вслух. Голос оказался низким, хриплым, с хрипотцой — похоже, он не пил уже несколько дней, а может, и недель.

Медальон не отвалился. Вместо этого в голове щёлкнуло, будто включился вентилятор, и перед глазами поплыли строки. Алые, пугающе чёткие, как если бы их выжгли на роговице лазерным скальпелем.

[ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ... ОШИБКА]

Имя пользователя: не найдено

Уровень: 0 Степень Разложения: 0%

Обнаружена аномалия: Привязанная Невеста (ID: ЛИЛИЯ)

Он моргнул. Строки не исчезли — они просто зависли, как рекламный баннер в дешёвом браузере.

— Это что, шутка? — спросил он у медальона. — Я подписался на спам-рассылку даже после апокалипсиса?

Медальон промолчал, но его нагретое нутро ещё сильнее запульсировало, подталкивая его в сторону катафалка.

Всё это время он старательно не замечал того, что лежало рядом с перевёрнутой машиной. Гроб. Обычный, деревянный, обшарпанный, с выломанной сбоку доской, из которой торчал кружевный край — белый, стерильно-белый, как снег, который никогда не выпадает в этой пустоши. К краю гроб был присыпан землёй, но он идеально сохранился, словно его привезли на этой трассе только вчера.

Он подошёл ближе. Заглянул внутрь.

Внутри лежала девушка. Мёртвая — это было ясно даже без медицинского образования. Бледная, как только что выстиранная простыня, с тонкими, почти прозрачными веками, сомкнутыми в вечном покое. Волосы — русые, с рыжим отливом, распущенные по плечам. Платье — свадебное, с пышным кринолином, расшитое бисером и кружевом, которое, однако, выглядело не подвенечным нарядом, а скорее саваном, сшитым из переработанных штор. На губах — застывшая, спокойная улыбка, какая бывает у людей, которые только что решили все свои проблемы раз и навсегда.

— Прекрасно, — пробормотал он. — У меня нет памяти, зато есть труп невесты и крипто-медальон, который показывает мне интерфейс из фильма ужасов. Чувствую себя героем дешёвого романа, который не взяли в печать.

Он уже хотел развернуться и уйти, как медальон на его груди дёрнулся с такой силой, что его швырнуло вперёд, прямо к гробу. Он едва удержался, чтобы не рухнуть носом на кружева. Рука сама собой вытянулась, и палец коснулся лба

девушки.

Кожа была ледяной, как бетонная плита в январе. Но в момент касания по телу прошёл разряд — такой же, как от медальона, но мощнее, будто замкнули цепь высокого напряжения. Над головой засвистело, воздух потемнел, и он услышал — нет, не ушами, а каким-то внутренним органом — тонкий, протяжный скрежет, похожий на то, как ледяная крошка царапает стекло.

«Вставай.»

Команда пришла не голосом — она вплавилась в его череп, как ржавый гвоздь. Холодная, безэмоциональная, почти механическая. Он даже не понял, как это произошло, но его тело дёрнулось и выпрямилось само собой, без участия воли. Он стоял на коленях перед гробом, глядя на девушку, которая по-прежнему лежала неподвижно, но её веки дрогнули.

Она открыла глаза.

Они были чёрными. Абсолютно, беспросветно чёрными, без белков и зрачков — как две бездонные ямы, пробитые в пространстве. Из этих ям не лилось ни света, ни тепла — только абсолютная пустота, от которой у него свело желудок.

Её губы не шевельнулись. Лицо осталось неподвижным, как маска. Но в голове снова заскрежетало — на этот раз громче, настойчивее, с привкусом озона:

«Беги.»

Он не понял, откуда пришла эта команда, но его ноги уже сами сделали шаг назад. Он споткнулся о корягу, вывернул-

ся, упал на спину, больно ударившись копчиком о ржавую арматуру.

Матюкнулся сквозь зубы, но медальон на груди не успокаивался — он вибрировал, как мотор, и от него по позвоночнику побежали холодные иглы.

Девушка в гробу медленно, с хрустом, повернула голову в его сторону. Её глаза — эти две чёрные пустоты — уставились прямо на него.

И он понял: она не просто смотрит — она оценивает. Прикидывает, годится ли он для того, что она задумала.

«Стой.»

Вторая команда ударила по нервам, как ледяная плётка. Он замер, будто вмерз в асфальт. Дыхание перехватило, сердце заколотилось где-то в горле. Он попытался пошевелиться — мышцы не слушались, превратившись в застывший бетон.

Она смотрела на него из своего гроба, и в этом взгляде не было ни злобы, ни жалости, ни участия. Только голое, холодное намерение.

Медальон нагрелся до предела — он обжигал кожу через ткань куртки. Перед глазами снова выскочила алая надпись:

Срок до прихода Жениха — 7 дней. Цель: доставить тело в Храм Начала. Награда: ваше истинное имя. Предупреждение: каждый день Жених будет отправлять гонцов. Не останавливайтесь надолго.

Он прочитал, перечитал, и на его губах появилась кривая

улыбка — та самая, которую он приберегал для самых безнадёжных ситуаций.

— Итак, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к ней, — я — амнезийный сталкер без денег, с медальоном-провокатором, и меня приковали к труп невесты, которая командует мной через черепную коробку. Лучшего плана на выходные я не мог бы придумать, даже если бы заплатил.

Третья команда пришла почти сразу, как только он замолчал. Она была короче, жёстче, и в ней не было ни капли сомнения:

«Туда.»

Он почувствовал, как невидимая рука толкает его в плечо — в сторону, к узкой тропинке, что вела от катафалка в серую мглу, скрывающую горизонт. Он попытался обернуться, чтобы ещё раз взглянуть на неё, на эту чёрноглазую фигуру в свадебном платье, но не успел. Тело подчинилось команде, и он зашагал по растрескавшемуся асфальту, чувствуя, как холодный ветер облизывает спину.

Он оглянулся через плечо. Девушка больше не лежала в гробу. Она стояла на краю дороги — просто тень, мерцающая в сумерках, с развевающейся фатой, почти сливающейся с воздухом. Он не видел её чётко — только контур, только отражение в мутной луже у его ног. Её глаза, эти две чёрные пропасти, смотрели ему в спину из каждой тени, из каждого пятна на асфальте.

— Имя у тебя есть? — спросил он хрипло, не останавливаясь.

Тишина. Только ветер скрипел в ушах, и медальон тихо, мерно пульсировал у груди.

Потом — едва слышно, как шорох листьев в далёком лесу, в его сознание просочился тонкий, ледяной шёпот:

«Лилия.»

И больше ничего. Только хруст гравия под ногами и тень за спиной, что то появлялась, то исчезала, но никогда не отставала.

Он шёл в никуда, по трассе смерти, с мёртвой невестой на буксире, которая говорила с ним только ветром и приказами.

— Лилия, значит, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Жаль, что ты не можешь рассказать мне, кто я такой. Но раз система обещает мне моё истинное имя за то, что я тебя доставлю, значит, у меня есть хотя бы один повод идти вперёд.

Он сунул руки в карманы, нащупал там несколько мелких монет — похоже, он был не таким уж нищим, — и усмехнулся. Семь дней. Семь дней, чтобы узнать своё имя, а заодно понять, что за чертовщина творится в этом мире.

— Ну что, Лилия, — сказал он громко, не оборачиваясь, — веди. Я иду. Но если ты вздумаешь меня сожрать, пеняй на себя — я умею держать обиду.

Шёпот в голове не ответил, но тень за его спиной чуть заметно качнулась. Может, это было согласие. Может — про-

сто ветер.

Он хотел ещё пошутить, но тут медальон на груди нагрелся, и в голове мягко, почти дружелюбно, загорелась новая строка:

[Подсказка: Попробуйте найти воду и еду.

Первая ночь будет холодной. И не доверяйте отражениям.]

Он фыркнул. Система не только приказывает, но и даёт советы. Значит, ему не дадут сдохнуть в первой же канаве — хотя бы потому, что его смерть нарушит квест.

— Что ж, — сказал он, поднимая с земли увесистый обломок арматуры, — если у меня есть персональный GPS и мертвая девушка-спутник, я, пожалуй, справлюсь.

Он пошёл быстрее. Дорога расстилалась перед ним, серая и бесконечная, но впервые за этот день он почувствовал, что у него есть цель. И это было лучше, чем ничего.

Тень Невесты скользила рядом, то появляясь, то исчезая, и он почти привык к этому соседству. Дорога дышала — тихо, ровно, как человек, который наконец-то засыпает после долгой болезни. И в этом дыхании уже не было только крови.

Там был ещё и ветер — сухой, колючий, но несущий с собой слабый, почти забытый запах перемен.

Глава 1 – Свадебные гости

Говорят, в первую ночь после смерти невеста видит не

звёзды, а лица всех, кого она не успела поцеловать. И каждый из них приходит к ней с требованием — верни обещанное.

Солнце — если этот мутный, размазанный по небу блин можно было назвать солнцем — клонилось к закату, окрашивая Мёртвую Дорогу в ржаво-бурые тона. Он шёл уже несколько часов, и за это время мир не стал ни понятнее, ни дружелюбнее. Серая трасса уходила в бесконечность, по бокам её топорщились остовы машин, похожие на скелеты гигантских животных, и ветер выл в пустых глазницах окон.

Ночной Странник — так он мысленно окрестил себя, потому что имя всё ещё было запаролено где-то в недрах системы, — чувствовал, как наливаются свинцом ноги. Куртка, рваная и грязная, плохо грела, а в кармане лежали всего три монеты и медальон, который то нагревался, то остывал, словно живое существо, прислушивающееся к его дыханию. Тень Невесты — Лилия — скользила где-то сзади, почти невидимая в сумерках, и он уже начал привыкать к её присутствию. Почти.

— Лилия, — сказал он, не оборачиваясь, — если ты сейчас скажешь мне «беги» в третий раз, я, наверное, побегу,

но в другую сторону. Просто чтобы тебя позлить.

Тишина. Только ветер. Он вздохнул и продолжил путь.

Дорога постепенно сужалась, переходя в старую объездную трассу, где когда-то, должно быть, стояли рекламные щиты и указатели. Теперь от них остались лишь ржавые сваи, торчащие из земли, как пальцы мертвецов. Справа темнел силуэт заброшенного придорожного кафе — одноэтажное здание с выбитыми окнами и обвалившейся крышей. Над входом ещё висела обгоревшая вывеска, на которой угадывались буквы: «ПСТЙ».

— Постой? — прочитал он вслух. — Или «Простор»? Или «Пристань»? Я бы сейчас согласился на любое, даже если там подают только консервы с истёкшим сроком.

Он толкнул дверь — она поддалась с протяжным скрипом, похожим на стон. Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то кислым. Столы и стулья были опрокинуты, пол усеян осколками стекла и сухими листьями, занесёнными ветром через разбитые окна. В углу маячила стойка бара, за которой когда-то стоял кто-то, наливавший путникам дешёвое пойло.

— Отлично, — сказал он, присаживаясь на уцелевший табурет. — Ночлег есть, крыша над головой есть. Не хватает только горячего ужина и весёлой компании, но компанию я уже привёл.

Тень Лилии замерла у порога, не решаясь войти. Она была едва заметна — просто сгусток более тёмного воздуха, колеблющийся в проёме двери. Он махнул рукой:

— Заходи, не стесняйся. Мёртвым невестам вход не воспрещён.

Она не ответила. Только её очертания чуть дрогнули, и он почувствовал, как по позвоночнику пробежал холод — будто кто-то провёл пальцем по спине, оставляя ледяную дорожку. Он передёрнул плечами и принялся осматривать помещение. За барной стойкой он нашёл несколько бутылок с мутной жидкостью — судя по запаху, самогон, который мог сойти и за дезинфекцию, и за топливо. В ящике под стойкой обнаружился старый, заржавевший нож, сломанный фонарик и пачка спичек, которые рассыпались в труху при первом же прикосновении.

— Богатый улов, — прокомментировал он, сунув нож за пояс. — Теперь я вооружён и очень опасен. По крайней мере, для бумажных пакетов.

Он хотел ещё пошутить, но вдруг осёкся. Медальон на его груди дёрнулся — резко, больно, как удар током. В голове зазвенело, и перед глазами выскочила алая строка:

[ВНИМАНИЕ: приближается угроза.]

Гонцы Жениха зафиксированы на дистанции 200 метров.

Количество: 3.

Рекомендуется покинуть зону или подготовиться к обороне.]

Он выругался сквозь зубы. Три. Три тени в белых одеждах, которые, судя по описанию системы, не собирались при-

глашать его на чай.

— Лилия, — позвал он, оборачиваясь, — ты это видишь? Тень у двери качнулась. Шёпот, едва различимый, как шорох засохшей листвы, просочился в его сознание:

«Они пришли за мной В каждой из них — частичка меня. Первая — та, что плакала, когда жених оказался чудовищем. Вторая — та, что пыталась сбежать, но споткнулась на пороге. Третья — та, что умерла, даже не поняв, что её убили. Они мои слёзы, мой страх и моя смерть.»

В голосе не было эмоций — только констатация факта. Но он услышал в нём дрожь. Это была не тревога — это был страх. Она боялась их. И это было хуже всего.

— Тогда не стой, как памятник, — сказал он, выхватывая нож. — Если они — части тебя, значит, нам надо их отпустить.

Он шагнул к выходу, но остановился у порога. Снаружи, прямо на дороге, стояли три фигуры. Они не были одинаковыми — теперь он видел это ясно.

Первая — с опущенной головой, её фата была мокрой, словно от слёз, которые не переставали течь вечно. Она стояла неподвижно, как статуя, но из-под капюшона слышался тихий, бесконечный плач — похоронная песня, от которой сводило зубы. Её руки были скрещены на груди, и в каждой из них она сжимала букет — белые цветы, которые медленно чернели и опадали лепестками, превращаясь в пепел.

Вторая — стояла, выставив вперёд ногу, как бегунья на

старте. Её фата была разорвана и болталась ключьями, а под ней угадывалось бледное, искажённое ужасом лицо, застывшее в вечном крике. Она дрожала всем телом, как натянутая струна, и казалось, что в любую секунду она сорвётся с места и побежит. Но не вперёд — назад, в темноту.

Третья — шла медленно, почти вальсируя. Её фата струилась за спиной, как водопад из тумана, а под капюшоном угадывалась улыбка — не добрая, не злая, а пустая. Улыбка человека, который уже умер и знает это. Она не плакала, не бежала — она просто шла, и каждый её шаг оставлял на асфальте след, похожий на тающий иней.

— Ну что, дамы, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодро, — вы к нам на свадьбу или по делу? У нас тут как раз свободное местечко в гробу, если хотите присоединиться.

Фигуры не ответили. Они двинулись вперёд — каждая по-своему. Первая продолжала плакать, но её слёзы, падая на асфальт, превращались в ледяные шипы, вырастающие из земли. Вторая рванула — резко, почти молниеносно — и её тело пронеслось сквозь воздух, оставляя за собой морозный шлейф. Третья шла плавно, но в её руке уже сверкал ледяной свет, готовый ударить.

Он отскочил в сторону, и в то место, где он только что стоял, ударил луч — белый, холодный, оставляющий на полу кафе иней. Это была третья — та, что шла плавно. Она целилась точно, без суеты, как снайпер.

— Ай-яй-яй, — сказал он, уворачиваясь от второго луча, — ты, видимо, главная. А эти двое — твои подружки? Группа поддержки? Хор?

Он нырнул за барную стойку, пригнулся. Рядом, на уровне уха, просвистел третий луч, и он услышал, как за его спиной раскололось зеркало, висевшее на стене. Осколки посыпались градом. Но он заметил, как первая фигура — плачущая — сделала шаг вперёд, и под её ногами заскрежетали ледяные шипы, прорастающие из слёз. Они уже приближались к его укрытию.

Вторая — бегущая — металась вокруг кафе, оставляя за собой морозные следы, и её дрожащие руки то появлялись, то исчезали, пытаясь схватить его из темноты. Она была быстрой, непредсказуемой, как ветер.

Третья — вальсирующая — стояла на месте и методично посылала лучи один за другим, не давая ему поднять голову.

Он прижался спиной к стойке, чувствуя, как холод проникает сквозь доски. В голове заскрежетало, и система выдала:

[Ситуация критическая.

Ваш уровень: 0.

Навыков нет.

Шанс выживания: 12%. Рекомендуется импровизация.]

— Спасибо за поддержку, — процедил он сквозь зубы. — Я бы без тебя не догадался.

Он схватил бутылку самогона, метнул её в первую фигуру

— ту, что плакала. Бутылка разбилась о её плечо, но та даже не вздрогнула. Зато её слёзы — эти ледяные капли — стали падать чаще, и шипы под её ногами начали расти быстрее, угрожая прорасти сквозь пол.

— Лилия, — прошептал он, — если ты можешь помочь, сейчас самое время.

Но ответа не было.

И тут вторая фигура — бегущая — оказалась рядом. Её холодные пальцы сомкнулись на его плече, и боль пронзила тело — острая, ледяная, как удар кинжала. Кожа под её пальцами начала белеть, покрываться инеем. Он почувствовал, как холод проникает в мышцы, скручивает сухожилия.

— Отвали! — закричал он, пытаясь вырваться.

Но хватка была мёртвой. Она не отпускала — она только сильнее сжимала пальцы, и в её дрожащем теле чувствовалась паника, безысходность того, кто вечно убегает и никак не может добежать до спасительной черты.

И тут произошло то, чего он не ожидал. Медальон на его груди загорелся — ярко, ослепительно, как маленькое солнце. Свет ударил прямо в лицо бегущей фигуре, и та зашипела, разжала пальцы, отшатнулась. Но вместо того чтобы исчезнуть, она отступила на шаг, замерла, и её тень стала мерцать — то появляться, то исчезать.

Он упал на колени, держась за плечо. Рана жгло холодом, но он видел, что она не кровоточит — она просто белая, обмороженная, с пульсирующей болью внутри. И в этот момент

он услышал голос Лилии. Но не шёпот — почти крик, в котором впервые прорезалась настоящая, человеческая тревога:

«Странник! Смотри! Они не просто атакуют — они плачут и бегут. Останови их, не убивая. Ты должен их успокоить!»

Он не успел осмыслить её слова. Третья фигура — вальсирующая — направила на него новый луч, и он едва успел откатиться в сторону, уклоняясь от удара. Но он понял, что она сказала. Они не просто монстры. Они — слёзы, страх и смерть Лилии, которые она не может отпустить. И если он просто уничтожит их, они вернутся снова.

Он поднялся, пошатываясь, и огляделся. Плачущая стояла неподвижно, и слёзы уже начали заливать пол кафе, превращая его в каток. Бегущая металась по периметру, не решаясь приблизиться, но её морозный след становился всё плотнее. Третья медленно приближалась, и её ледяные лучи готовы были ударить в любую секунду.

В голове загорелась алая строка:

[ВСПОМНЕН НАВЫК: Рванный бросок]

Уровень: 1 Эффект: вы можете метнуть любой предмет весом до 5 кг с удвоенной силой

Цена: забывается одно воспоминание из детства (до 10 лет).

Забыто: лицо матери. Вы больше не помните, как она улыбалась.

Он стиснул зубы, чувствуя, как внутри него разверзается

пустота — туда, где только что было тёплое, смутное лицо. Но он не стал плакать. Он не стал думать о том, что потерял. Он сделал то, что подсказала Лилия.

Он схватил с пола пустую бутылку и метнул её не в фигуру, а рядом с плачущей — так, чтобы та вздрогнула, отвлеклась. Она на мгновение замерла, и её слёзы стали реже. Он шагнул к ней, протянул руку — и коснулся её плеча.

Кожа была ледяной, но он не отступил. Он просто прошептал:

— Всё хорошо. Ты уже не плачешь. Ты можешь остановиться.

Фигура вздрогнула. Её фата взметнулась, и из-под капюшона донёсся не звук плача, а тихий, удивлённый выдох. Она покачнулась, начала таять, как облако пара, и через мгновение исчезла, оставив после себя только мокрый след и два белых лепестка, упавших на пол.

Бегущая остановилась. Она стояла, дрожа, на пороге, готовая в любой момент сорваться с места. Он повернулся к ней, не опуская рук.

— Ты тоже можешь остановиться, — сказал он. — Ты уже добежала. Никто за тобой не гонится.

Она замерла. Её дрожь стала слабее, а потом она просто исчезла, как эхо, оставив после себя лишь морозный узор на стекле разбитого окна.

Третья — вальсирующая — застыла в центре кафе. Её улыбка не исчезала, но в ней появилось что-то новое — во-

прос. Она смотрела на него, и он видел в её пустых глазах не угрозу, а ожидание. Она ждала, пока он скажет ей то, что ей нужно услышать.

Он подошёл к ней. Она не двигалась. Она просто стояла, её фата струилась, как водопад, и в этом струении было что-то успокаивающее.

— Ты уже умерла, — сказал он тихо. — Ты знаешь это. И ты не должна больше вальсировать здесь. Ты можешь уйти. По-настоящему.

Фигура наклонила голову, как бы размышляя. Её улыбка стала мягче, почти благодарной. Она протянула руку — не чтобы ударить, а чтобы коснуться его щеки. Он почувствовал холодное, невесомое прикосновение, и она растаяла, как утренний туман, оставив после себя только запах — сладкий, цветочный, как от старых духов.

Он остался стоять в центре пустого кафе, тяжело дыша. Плечо горело ледяным огнём, голова кружилась, а в груди пульсировало пустое место — там, где только что было воспоминание о матери. Он попытался представить её лицо — и не смог.

— Забыл, — прошептал он. — Забыл, как она выглядела. Я даже не знал, что она у меня была, а теперь не знаю, как она улыбалась.

Он опустился на колени, чувствуя, как холод пробирается в душу. Но тут он почувствовал лёгкое прикосновение — не к плечу, а к плечу. Тонкое, прохладное, почти невесомое. Он

поднял глаза.

Над ним стояла Лилия. Она была прозрачной, почти невидимой, но он видел её силуэт, фату, струящуюся в воздухе.

Её лицо — размытое, как отражение в мутной воде, — было обращено к нему. И в первый раз он услышал в её шёпоте не холод, не механическую команду, а что-то живое, трепетное, почти испуганное.

«Странник Ты отпустил их. Мои слёзы, мой страх, мою смерть. Ты сделал это. Как?»

В её голосе звучало не просто удивление — в нём была благодарность. Она коснулась его щеки — в том же месте, где её коснулась третья фигура. И он почувствовал тепло. Впервые за весь день — не холод, а слабое, почти забытое тепло.

— Не знаю, — ответил он, улыбнувшись. — Просто понял, что драться с твоими слезами — глупо. Их надо было обнять. Или хотя бы поговорить. Я же сказал: я умею держать обиду. Но, видимо, ещё умею и успокаивать.

Она хотела что-то сказать, но замолчала, словно испугалась своих слов. Её тень стала более чёткой — впервые за всё время она приобрела почти человеческие очертания. Платье на ней стало менее прозрачным, и он даже разглядел на её лице слабую улыбку.

«Спасибо Странник.»

Имя прозвучало в его голове громко и ясно, как колокол. Она произнесла его — его имя, которое система ещё не вы-

дала, но которое, видимо, было частью его настоящей сути. И тут же её силуэт сжался, стал меньше, почти исчез, отступил к стене, вплетаясь в тени кафе.

— Лилия, — позвал он. — Ты как? Всё хорошо?

Ответа не было. Только тишина, нарушаемая свистом ветра в разбитых окнах. Медальон остыл, боль в плече стала тупой, терпимой. Он попытался встать, опираясь на здоровую руку, и с трудом поднялся на ноги.

В этот момент система выдала новое уведомление, но не обычным алым шрифтом — а золотым, тёплым, почти успокаивающим:

[ДОСТИЖЕНИЕ: Усмирение скорби]

Вы отпустили три ипостаси Невесты — её слёзы, её страх и её смерть. Лилия стала ближе к жизни на 30%. Ваша Степень Разложения снижена на 2% (текущая: 3%). Открыт скрытый параметр: Эмпатия (влияет на способность взаимодействовать с призраками без боя). Награда: часть воспоминаний Лилии открыта. Вы узнали её настоящее имя — Лилия Азарин, дочь правителя города Забытое Время.

Он прочитал, усмехнулся и покачал головой.

— Азарин. Звучит почти как «азарт». Твои родители любили играть, что ли, Лилия?

Она не ответила, но он знал, что она слышит. Он вышел из кафе на улицу, посмотрел на небо — серое, беззвёздное, как дно старого колодца. Но в этот раз он заметил, что где-

то далеко, почти у самого горизонта, небо становится чуть светлее, словно там, за Мёртвой Дорогой, пробивается расцвет. Или просто иллюзия.

— Странник, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Звучит гордо. Почти как «Победитель», только дешевле. Но если кто-то сможет его запомнить, хотя бы когда-нибудь, я, наверное, соглашусь.

Он пошёл дальше, оставляя позади разбитое кафе и прозрачный бой. Плечо болело, но он мог идти. За спиной, в тени, маячил силуэт в белом — она следовала за ним, но теперь её тень была чётче, плотнее, почти живой. И в этом было что-то новое.

На рассвете система выдала ему итоговое уведомление. Но последняя строка была необычной:

[Новое сообщение от: Жених]

«Ты проявил милосердие к моим слугам. Это делает тебя либо глупцом, либо святым. Глупцы умирают быстро. Святые — долго. Я хочу увидеть, какой ты на вкус. Жди меня на Перекрёстке Душ. Я приду раньше, чем ты ожидаешь.»

Он остановился. Прочитал сообщение дважды. И на его лице появилась та самая кривая улыбка — злая, дерзкая, почти весёлая.

— Ну что, Жених, — сказал он, глядя в серую даль, — ты даже не представляешь, с кем связался. Я — Ночной Странник, и я только что обнял твоих призраков и сказал им: «Всё

хорошо». Что ты собираешься сделать? Угрожать мне? Я уже потерял лицо матери сегодня. У тебя нет ничего, что могло бы меня напугать.

Он посмотрел на свою тень, в которой мелькнул белый силуэт Лилии.

— Мы идём дальше, Лилия. И если этот тип думает, что Перекрёсток Душ его спасёт, он сильно ошибается. Я уже знаю твоё имя. Осталось узнать своё. И тогда мы посмотрим, кто тут на самом деле Жених.

Он шагнул на дорогу, и за его спиной, в сером небе, загорелась первая настоящая звезда — та, что появляется только на рассвете. Или это снова была иллюзия. Но он предпочёл поверить, что это знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.